

Илана Васина

**СКАНДАЛ У АЛТАРЯ.
ИСТОРИЯ УНИЖЕННОЙ
НЕВЕСТЫ**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

Васина И.
В19 Скандал у алтаря. История униженной невесты / Илана Васина – М.: Литнет, 2026. – 244 с.

ISBN 978-5-524-00265-5

- Если ты станешь моей любовницей, я не дам умереть тебе с голода! У тебя всегда будет крыша над головой и парочка красивых платьев в шкафу. Ты мне так сильно нравишься, что я готов встречаться с тобой тайком, даже после женитьбы на другой!

Я попала в тело девушки, от которой жених отказался прямо перед алтарем. Мое унижение попало на первые полосы газет, брат обманом лишил меня наследства и приданого, а потом выгнал из дома. Я осталась без средств к существованию в мире, где девушки, лишённые защиты отца, брата или мужа, становились игрушками мужчин. Неизвестно, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, если бы один богатый аристократ, приговоренный к смерти, не сделал мне предложения, от которого я просто не смогла отказаться.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00265-5

© Литнет, 2026
© И. Васина, 2026

Глава 1

Оказалось, так бывает. Готовишь клубничный торт ко дню рождения внушки. Приседаешь на минутку, потому что сердце прихватило... А приходишь в себя на холодной поверхности с ноющим затылком. Только пахнет уже не выпечкой, а приторными благовониями, от которых першит в горле.

Раздаются оживленные голоса, долетают отдельные фразы:

– Говорят, братец отказал ей даже в содержании, не то что в приданом.

– Какой позор...

– Отказная невеста она теперь! Кто же такую в жены возьмет?!

– Отца нет, брат отвернулся, теперь вот жених тоже прямо у алтаря...

– Или пойдет по рукам, или...

– В петлю!

О чем они говорят? И откуда здесь люди, скажите на милость? Живу-то я одна!

Ключи от квартиры есть только у дочки.

С трудом разлепляю тяжелые веки и рассматриваю обстановку. Нахожусь в незнакомом помещении. Надо мной раскинулись высокие своды то ли церквушки, то ли храма. В витражные стекла просачивается мягкий свет, придавая окружению сказочный оттенок.

Хотя, казалось бы, куда уж сказочнее!

Вокруг меня толпятся мужчины и женщины, одетые в яркие наряды средневекового покроя. Женские прически украшают венки из белых роз, а к мужским камзолам приколоты бутоньерки.

Но сильнее всего среди них выделяется мужчина в черном сюртуке. Он сжимает в руках большую бандуру и, нацелив на меня объектив, энергично щелкает. На каждом «щелк» меня ослепляет вспышка. Этот неугомонный щелкунчик очень напоминает папарацци.

Но на этом странности не заканчиваются.

Надо мной нависает незнакомый щеголь с длинными белыми волосами. Темно-бордовый камзол с золотыми пуговицами обтягивает худой торс. Несмотря на позу, казалось бы, выражающую внимание и сочувствие, на его холеном узком лице нет ни грамма участия.

– Ну? Очнулась наконец-то, – шипит он с укором. – Учти. Истерика тебе не поможет, Ари. Церемонии брачных уз не будет – и точка. Не забывай о гордости. Ты все-таки фэргю. Ваш народец всегда падает на четыре лапы, как вертлявая кошка.

Фэргю...

О чем он говорит? Это на норвежском? С чего он взял, что я знаю норвежский?!

С недоумением вглядываюсь в светло-серые глаза под белесыми ресницам, которые смотрят на меня не мигая и тем самым напоминающая змею. В них неприятно смотреть, аж зябко становится.

Или это от пола сквозит?

Поднимаюсь поскорее с пола – а то так и простудиться недолго! – и очень стараюсь не думать о том, кто переодевал меня в это чудесное белое платье с нашитыми кристаллами, открытой спиной и плечами.

Отвечаю:

– При чем тут истерика? То, что я в обморок упала? Так это бывает, когда долго не высыпaeшьcя. Если кто-то из нас истерит, то точно не я.

Мой собеседник хмурится, пожимает узкими плечами и поднимается следом за мной. Стоя, он выглядит еще более худым.

– Любому понятно, ты расстроена, – говорит он так тихо, что едва слышу его сквозь щелчки и перешептывания. – Кончина отца, решение твоего братца оставить тебя без приданого. Но самое главное – отмена свадьбы... Это, разумеется, всегда печально для девицы. Я ничего не имею против тебя лично, Ари. Однако сама посуди. Нельзя человеку в моем положении жениться на бесприданнице. Это будет неспра-

ведливо по отношению к славному роду Кринвудов. К счастью, священник не успел нас связать узами брака, прежде чем страшная новость достигла моих ушей...

Меня все больше напрягает его монолог. Парень явно не в себе.

– И все же ты мне нравишься, Ари. Так сильно нравишься, что я готов встречаться с тобой тайком, даже после женитьбы на другой. Поверь, если ты станешь моей любовницей, я не дам умереть тебе с голода! У тебя всегда будет крыша над головой и парочка красивых платьев в шкафу.

– Какое щедрое предложение! – срывается с моих губ. За моим сарказмом прячется недоумение.

Этот юный ловелас, у которого молоко на губах не обсохло, утверждает, что собирался на мне жениться, но в последний момент отменил свадьбу. Потому что мой отец умер и не оставил обещанного приданого.

Звучит как полный бред.

Мне пятьдесят пять! И отец мой скончался пять лет назад. Какое приданое? Какое замужество? Он спятил?

Быстро перебираю в голове знакомых из тех, кто горазд на розыгрыши. Тут же понимаю, что таких масштабных костюмированных розыгрышей никто делать не стал бы. Слишком накладно. Да и юмор тут сомнительный...

Если не знакомые это организовали, то кто?

С подозрением кошусь на тщедушную фигуру, бледную кожу, близко посаженные глаза, мелкие черты лица и слабовольный скошенный подбородок. Парень ловит на себе мой недоверчивый взгляд и тяжело вздыхает.

– Можешь не отвечать прямо сейчас, Ари. Ты скорбишь и не в состоянии оценить, как тебе повезло с моим предложением, но скоро ты поймешь и скажешь спасибо.

– Уж «спасибо» точно не скажу, – отрезаю, на что юнец на полном серьезе удивляется.

– Почему?

Очень хочется брякнуть: «Да ты мне вообще-то в сыновья годишься!», но я ограничиваюсь сухим: «Так ведь не за что!».

– Неужели ты готова голодать? – он недобро щурит глаза.

– Это бывает полезно, – мой взгляд падает на его тщедушную фигуру, и я быстро добавляю: – Но не всем.

Боже, как же хочется домой! Интересно, сколько я здесь торчу?

Мой взгляд по привычке падает на запястье правой руки в поисках часов и... Никаких часов я не нахожу, зато медленно и внимательно начинаю себя рассматривать.

Кисть выглядит чужой. Молодая упругая кожа, ни единой морщинки. Тонкое запястье совершенно не похоже на мою широкую кость, а изящные пальцы пианистки никак не сходятся с моими прежними. И шрамов нет.

Ошеломленная, застываю. Перевариваю потрясающую новость.

Я в чужом теле, товарищи... И, похоже, в чужом мире! Потому что зрачки белобрысого парня вдруг меняют форму, вытягиваются в вертикаль, как у ящерицы. Стоит мне сделать это открытие, к нам подходит пожилой мужчина в белой одежде, похожий на служителя или пастора, и просит выйти.

– Скоро тут начнется церемония совсем иного рода, – произносит он загадочную фразу.

Гости неохотно начинают расходиться с моей несостоявшейся свадьбы. Ни один не считает нужным подойти и сказать слова утешения невесте, брошенной перед алтарем. Последним уходит человек, похожий на фотографа.

Вскоре шаги и шорохи стихают. Храм пустеет, а на меня неожиданно накатывают чужие горькие воспоминания.

Всего час назад я была счастлива. Стояла у алтаря и готовилась стать леди Кринвуд.

Да, у нас с женихом не было романтической связи, всего лишь договор отцов. Но я верила, что мы с Тимианом полюбим друг друга, когда познакомимся поближе.

В последние дни перед свадьбой отец плохо себя чувствовал. А сегодня встать с кровати не смог, хотя очень хотел участвовать в церемонии брачных уз. Он настолько ослабел, что даже отказался принять меня у себя в комнате. Мы общались через слуг. Именно через Фреда отец передал свое настоятельное пожелание, чтобы я отправилась в храм без него. В сопровождении служанки, которую внутрь не пустили из-за низкого происхождения.

Мне пришлось подчиниться, хотя очень хотелось свадьбу отложить. Но не огорчать же отца своим непослушанием, когда ему и так плохо?

Сначала я долго ждала опаздывающего Тимиана, а потом он подошел со странным лицом и сообщил ужасную новость о смерти отца и отмене свадьбы.

Будто заново переживаю этот удар, чувствую, как подкашиваются ноги. Начинаю падать, а потом... Слышу за спиной бряцание, и меня отрывают от пола сильные руки.

Глава 2

Сосновые щепки в дождливый июньский день со шлейфом можжевельного дыма — я бы так описала запах, меня окутавший. Аромат напоминает мне дачу, и от этого сердце тоскливо сжимается. Самое обидное, что сейчас там сезон малины. Обычно я готовила про запас малиновое конфи для тортов, а сейчас... Шиш мне, а не конфи!

— Вы в порядке, миледи?

Быстро моргаю, и пелена перед глазами рассеивается. Мой взгляд натывается на мужское лицо, порядком заросшее щетиной. Незнакомец был бы красив, если бы побрился... Он с тревогой всматривается в мои глаза, будто ищет в них что-то...

Стоп. Почему меня, взрослого человека, держат на руках, как младенца? У меня ноги есть вообще-то! Хоть и слабые, но вполне работоспособные!

Встречаю взгляд мужчины и твердо заявляю:

— Спасибо, я уже в норме.

Он, позвякивая, аккуратненько ставит меня на землю. Убедившись, что ноги меня держат, отступает на шаг. И только тогда я понимаю, что болезненно давило мне в бок, плечо и при этом бряцало.

Его кандалы!

На секунду я замираю от удивления и страха, а потом спешу к выходу. Нет, ну надо же!

Когда я падала, меня подхватил этот мужчина в кандалах, который, судя по всему, был аристократом. В храмы здесь почему-то пускали только высшее сословие, как будто простолюдины были не достойны религиозных обрядов. Пока иду к выходу, по-прежнему покачиваясь как осинка на ветру, меня терзает любопытство: «Что этот загадочный узник может делать в храме?».

Чужая память ответа не выдает.

Перед выходом я оборачиваюсь. Вижу, как к закованному в цепи мужчине подходит священнослужитель в белом балахоне, украшенной золотой вышивкой. Он выслушивает каторжника, кивая головой, а потом указывает на меня пальцем и начинает что-то оживленно говорить.

Это они меня обсуждают?! Твою ж дивизию, опять!

Закусив губу, спешу на выход. Похоже, с тех пор, как меня отверг жених, я стала главной достопримечательностью Филандиса – так в моих новых воспоминаниях назывался родной город.

На выходе из храма меня встречают зеваки, тот же самый фотограф с щелкающей бандурой, несколько стражей, видимо, конвоирующих каторжника, и юная Гертруда – служанка, что пришла со мной на церемонию. Эта рыжеволосая девчушка, усыпанная веснушками, была очень привязана к отцу и ко мне. Наверное, этим можно объяснить, почему она стоит тут вся зареванная.

– Ох, госпожа, да что же мы... Как же мы теперь... – рыдает она. – Господин Рестван умер... А вы... Опозорены...

– Это трагическая новость, Труды, но мы должны быть стойкими, – ободряюще треплю ее за плечо. – Отец не хотел бы, чтобы мы пали духом после его кончины. Как-нибудь справимся!

– Да как же справимся? – отвечает девушка сквозь всхлипы. – Я слышала, что гости говорили... Господин Эредар уже оставил вас ни с чем... Да как так можно? Уж на что лорд Кринвуд поступил подло, а братец ваш... Родную сестру, родную кровиночку лишить содержания...

– Пусть Эредар скажет мне это в глаза, – подхватываю девчушку за руку и буквально тащу ее по смутно знакомым улочкам мимо столпившихся зевак.

– А пока не будем впадать в отчаяние.

Пока идем по городу, то и дело озираюсь по сторонам. Если раньше я немного сомневалась, что нахожусь в чужом мире, то теперь у меня отпали последние сомнения.

Солнца тут целых три.

От обилия света щурю глаза, но продолжаю упрямо рассматривать обстановку, где мне предстоит теперь жить. Улицы выложены брусчаткой. Фасады двухэтажных каменных зданий венчают нарядные черепичные крыши со скрипучими флюгерами. Я читала, что в Средневековье на улицах пахло как в канализации, а тут чисто и витают приятные ароматы выпечки, пряностей и дыма из труб.

Всю дорогу Гертруда занимается тем, что всхлипывает и косится на меня. Служанку, видимо, удивляет моя энергичность и жизнерадостность. С ее точки зрения, девушка в моей ситуации должна лить горючие слезы или лежать в глубоком обмороке.

Не выдержав молчаливого укора, поворачиваюсь к ней всем корпусом:

– Труди, горе – это роскошь, которую я не могу себе позволить. У меня сейчас другие задачи. Выжить. Найти своё место. Понять, кто мне друг, а кто враг. А для этого надо смотреть в оба и действовать, понимаешь?

Девушка кивает и со вздохом опускает распухшие глаза.

Наконец мы доходим до отчего дома. Трехэтажное каменное здание окружает яблоневый сад. Здесь красиво и уютно... было прежней хозяйке тела при жизни отца. А теперь на крыльце меня встречают холщовые мешки, похожие, заполненные одеждой. Подозреваю, моей.

На пороге дома стоит парень лет двадцати. «Слуга по имени Фред», – подсказывает новая память. И, как подсказывает интуиция, ждет он именно меня. Стоит мне подойти к порогу, парень вскидывает прыщавый подбородок и заявляет:

– Пускать вас внутрь хозяин не велел. Вещи ваши... Вот стоят. Забирайте. Говорю ему:

– Где тело моего отца?

– Я это... Не могу сказать.

– Почему?